

Му Си поднялся и сел рядом с ним, небрежно откинувшись на спинку дивана. Воротник его рубашки слегка распахнулся, обнажая ключицы, и весь его облик казался одновременно ленивым и притягательным.

Бай Чэн внезапно почувствовал, как у него разгорячилось лицо.

— Первое: не смей мне лгать.

Бай Чэн потер кончик уха и кивнул.

— Второе: не смей убежать.

Бай Чэн моргнул, озадаченно нахмурившись.

Му Си резко подался вперед, сузив свои узкие глаза, и его низкий, чарующий голос прозвучал как допрос:

— Не можешь выполнить?

— Н-нет, нет, что ты! — Бай Чэн поспешно замотал головой и, понизив голос, принялся искренне объяснять: — Просто... я иногда могу уходить.

Услышав слово уходить, Му Си мгновенно помрачнел.

Заметив, что атмосфера накалилась, Бай Чэн тут же принялся оправдываться:

— Я имею в виду, что иногда мне нужно возвращаться, чтобы рассказать им, как я живу, иначе они начнут волноваться и перестанут меня отпускать! Вот что я хотел сказать!

Бай Чэн выпалил всё на одном дыхании и тяжело задышал.

Му Си сидел не шелохнувшись, даже головы не повернул.

Бай Чэн сердито подступил к нему, глядя прямо в глаза, в которых светилась решимость:

— В этот раз я никуда не уйду.

Му Си прищурился:

— Ты только что сказал — возвращаться куда?

— К дяде Цзи, конечно.

— К какому еще дяде Цзи?

Бай Чэн нервно перебирал пальцами:

— Об этом я не могу сказать...

Му Си долго молчал, а затем произнес:

— Ладно. Но если тебе нужно будет уйти, ты должен предупредить меня заранее и всегда оставаться на связи.

Бай Чэн послушно улыбнулся:

— Без проблем.

— Третье... — Му Си взъерошил его волосы, — ты должен быть послушным.

Бай Чэн широко раскрыл глаза:

— Разве я сейчас не послушный?

Му Си усмехнулся, его голос прозвучал низко и волнующе:

— Очень послушный.

— Это всё?

— Пока всё. — Му Си опустил взгляд и тихо рассмеялся. — Об остальном поговорим позже.

— Хорошо.

Сияя от радости, Бай Чэн бросился в объятия Му Си. Тот охотно обнял его, и теплое дыхание коснулось шеи парня.

— Ты... такой сладкий.

Бай Чэн только сейчас вспомнил, что от него пахнет алкоголем. Он тут же отстранился, потянул себя за воротник, приняхался и, склонив голову набок, спросил:

— От меня сильно пахнет спиртным?

Эта сладость была совсем иной, но Му Си не стал ничего объяснять. Он щелкнул Бай Чэна по кончику носа:

— Иди прими душ, иначе завтра будет болеть голова.

— Хорошо.

— Все твои вещи остались в твоей комнате. Они совершенно новые, я менял их каждый месяц. Иди и возьми, что нужно.

У Бай Чэна защемило в груди, подступили слезы.

Прошло три года, а Му Си всё еще...

Му Си приподнял бровь, и в его голосе послышалась снисходительная улыбка:

— Ну что ты как маленький плакса?

Бай Чэн шмыгнул носом, его длинные ресницы подрагивали от слез, и он сердито уставился на мужчину:

— Я просто терплю.

Его гнев, смешанный с кокетством, выглядел по-особенному.

Му Си смотрел на это жалкое, милое создание, и в его темных глазах на мгновение вспыхнул огонек — собственнический, жадный и в то же время полный любви. Бай Чэн этого не заметил.

Му Си убрал прядь волос с его лба:

— Добавлю еще одно условие.

— А? — Бай Чэн поднял голову, непонимающе глядя на него. — Какое?

Му Си щелкнул его по лбу:

— Не смей плакать. Плакать можно только с моего разрешения.

Бай Чэн не понял и, широко распахнув свои звездные глаза, тихо возмутился.

— Всё, иди приводи себя в порядок.

Му Си удовлетворенно потрепал юношу по голове и поднялся, чтобы уйти, но едва он сделал шаг, как почувствовал, что кто-то тянет его за руку. Раздался мягкий, робкий голос:

— Брат.

Му Си обернулся:

— Что такое?

Бай Чэн долго собирался с духом, прежде чем вымолвить:

— Спо... спокойной ночи.

Му Си коснулся его щеки:

— Спокойной ночи, малыш.

Сказав это, Му Си поднялся вверх, оставив Бай Чэна стоять в растерянности.

В голове парня крутилось только это — малыш. Его щеки вспыхнули и покраснели, румянец дошел до самых корней волос.

На самом деле он уже не маленький, ему девятнадцать.

Но выглядит он и правда как старшеклассник.

Значит...

Му Си вполне может называть его малышом, верно?